

Юбилейная конференция

**ОТ ИСТОКОВ
К СОВРЕМЕННОСТИ**

**130 лет организации психологического общества
при Московском университете**

В пяти томах

ТОМ 1

Ответственный редактор
Д.Б. Богоявленская

Москва
2015

В плоскости эмпирических исследований роль личностных ценностей наиболее явно выступает в следующих случаях: выстраивание субъектом собственных приоритетов (ситуации ранжирования, соподчинения событий, предметов, мотивов, смыслов и др.); интерпретация и оценка в ситуации жизненного выбора, личностного самоопределения.

2. Большинство современных психологических исследований личностных ценностей, являются скорее социологическими, чем собственно психологическими, т.к. ценности выступают в них с «внешней», назывной, а не «внутренней», субъективной стороны. В современной науке намного большее распространение и развитие получила социологическая (социально-психологическая) ветвь исследования личностных ценностей (М. Рокич, Ш. Шварц, У. Билски и мн. др.). Однако психологам (по определению) следует изучать не только то, в чем заключаются различия или сходства между декларируемыми ценностями представителей различных социальных групп (что, собственно и происходит в массовой исследовательской практике), но также и то, какой субъективный смысл вкладывает человек в ту или иную ценность. Данное положение является методологически принципиальным, поскольку фокусирует внимание исследователя на собственно психологическом аспекте анализа, а именно на субъективной реальности господствующих (гласно и негласно) культурных ценностей [2].

Уклончивое отношение психологов к своему предмету (столь распространенное в зарубежной психологии) оборачивается редукционизмом в трактовке психического. Вполне отчетливо это наблюдается, в частности, в социологизации психологии ценностей, что фактически означает потерю предмета исследования в данной научной области. На наш взгляд, современная психология нуждается в подлинной психологии личностных ценностей, а также в разработке валидных методов исследования, которые позволили бы изучать и моделировать субъективное измерение ценностного мира человека, т.е. давали возможность подойти к данной проблеме и посылно решать ее с подчеркнута психологических позиций.

Список литературы:

1. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. — М.; Воронеж, 1998.
2. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: Автореф. дисс... доктора психол. наук. — М., 2014.
3. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. — М.: Прометей, 1993.

Л.С. Выготский — классик постнеклассической психологии

Клочко В.Е., Томск

L.S. Vygotsky is the classic of post-nonclassical psychology

Klochko V.E., Tomsk

Пытаясь подняться от истоков научной мысли в психологии к современному состоянию науки, к чему собственно и обязывает предмет анализа, заданный названием конференции, необходимо быть готовым к тому, что развитие исходных идей, обозначенных нашими великими предшественниками, не было предзаданным и линейным. Трудно проследить все коллизии сложнейшего переплетения исходных идей, учесть особенности их дальнейшего становления в рамках научных школ и направлений, опирающихся на эти идеи, а также естественным образом происходящую их деформацию, обусловленную давлением со стороны фактологии и т.д.

Два момента хочется отметить особо. Во-первых, трудно (если вообще возможно) оценить происходящее внутри тренда «от истоков к современности», избегая вопросов о закономерностях развития научного познания и тенденций развития науки, обусловленных этими закономерностями [4, 5]. Во-вторых, в связи с учетом вышесказанного,

вполне возможен вариант, когда исходные идеи оказываются столь глубокими, а возможность их понимания и принятия научным сообществом отодвинута настолько далеко в будущее, что ассимиляция исходной идеи может оказаться достаточно трудным делом даже для современной науки. По моему мнению, именно это происходит сегодня с оценкой научного творчества Л.С. Выготского: слишком ранний «забег» ученого в пространство постнеклассической рациональности позволил ему стать «Моцартом в психологии», но не облегчил рационализацию присущей ему методологической культуры, столь необходимую для более полного понимания и признания его исходных идей [7].

Вынося в название доклада утверждение «Л.С. Выготский — классик постнеклассической психологии», я хотел тем самым подчеркнуть, что двигаясь от истоков науки к современности, необходимо все время смещать «призму видения». В оптике классических парадигмальных установок открывается один «методологический портрет» Л.С. Выготского, в неклассических когнитивных схемах — другой, а в призме постнеклассических идеалов рациональности его творчество обретает новые (и довольно неожиданные) измерения и параметры. От себя замечу, что это не первая моя попытка говорить и писать о Л.С. Выготском именно как классике постнеклассической психологии. Первые попытки «были прерваны» В.П. Зинченко, который «перехватил» приоритет, опубликовав в 2006 г. статью «Метафоры живого смысла». Он пишет в этой статье: «...с точки зрения бытующих ныне характеристик постнеклассической науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, Л.С. Выготский был классиком постнеклассической науки» [2, с. 102].

Полностью соглашаясь с данным определением, считаю необходимым подчеркнуть, что, во-первых, междисциплинарный аспект творческих изысканий Л.С. Выготского действительно является важным признаком постнеклассичности его идей, но остается при этом признаком, который не является единственным и определяющим. Во-вторых, можно доказать, что подход Л.С. Выготского был более чем междисциплинарным. Он носит все признаки трансдисциплинарного подхода, приход которого (на смену междисциплинарному подходу) предсказал Ж. Пиаже еще в самом начале 1970-х годов.

Про современное состояние науки можно сказать, что трансдисциплинарный подход вызывает внутри междисциплинарного дискурса, а признаками его являются трансдисциплинарный перенос понятий и когнитивных схем, а также обнаружение общих закономерностей, до поры до времени воспринимавшихся как частные «внутрипредметные» реалии [6]. Исключительно качество, которым обладал Л.С. Выготским, заключалось, на мой взгляд, в его способности не заимствовать когнитивные схемы из других наук, используя аналогию, а видеть за ними нечто большее и универсальное: «...положение в физике и в психологии принципиально одно и то же — методологически, разница в степени» [1, с. 348]. И доказал справедливость этой мысли, утверждая, что положительная роль психики заключается не в отражении реальности, а в том, чтобы «субъективно исказить действительность в пользу организма» [1, с. 347]. Это не было аналогией или простым переносом идеи М. Фарадея, которую спустя сто лет А. Эйнштейн определил, как «величественную». Суть этой мысли М. Фарадея заключалась в том, что электрическая частица уже своим существованием порождает изменение состояния пространства в своей непосредственной окрестности (электрическое поле). Между смысловыми полями Л.С. Выготского и электрическими полями М. Фарадея стоит не аналогия, но принцип существования открытых саморазвивающихся систем, и, как правильно заметил Л.С. Выготский, «разница в степени».

Мне кажется, что предложенное Л.С. Выготским определение миссии и функционального предназначения психики оказалось одним из самых сложных (для понимания) мест в методологии ученого. «Субъективное искажение действительности в пользу человека» является феноменом, который невозможно расшифровать в бинарной логике классицизма,

четко дифференцирующей субъективное и объективное, внешнее и внутреннее, материю и дух и т.д. Он не поддается разрешению в тернарной логике неклассицизма, признающей «со-бытие противоположностей» по формуле «и то, и другое». Почему трудно выйти к пониманию той сложной психологической реальности, которая порождается в результате взаимодействия субъективного и объективного? В одной из последних своих работ В.П. Зинченко заметил: «Мы редко сомневаемся в том, что объективное существует, но почему-то обязательно хотим сделать субъективное дериватом объективного, вместо того чтобы расширить само понятие объективного, включив в его пределы субъективное и при этом сохранив его самим собой» [3, с. 43]. Но дело, как мне думается, заключается не только в отсутствии сомнений по поводу не смешиваемости явлений, традиционно считающимися «противоположностями». У Выготского за счет указанного «искажения в пользу человека» работает механизм отбора из среды того, что нужно человеку в каждый момент времени, т.е. имеет для него смысл. Поэтому и сознание человека носит смысловой характер, и сама психика понимается как «решето, процеживающее мир» [1, с. 347].

Здесь открывается истинная причина, позволяющая считать Л.С. Выготского классиком постнеклассической психологии. Как известно, предметом изучения в постнеклассической науке являются сложные открытые саморазвивающиеся (и самоорганизующиеся) системы, устойчиво существующие за счет присущей им способности отбирать из среды то, что им необходимо в каждый момент времени. Такой направленный, избирательный отбор предполагает существование у открытых неравновесных (перманентно дефицитарных) специальных систем органов отбора. Заявить о том, что сознание и психика есть «орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [1, с. 347] мог только ученый, который придерживается идеалов постнеклассической рациональности.

Да, Л.С. Выготский не использовал современный лексикон теории саморазвивающихся открытых систем (саморазвитие, самоорганизация, избирательный отбор, самоотбор, аттракторы, точки бифуркации и т.д.), что естественно. Но он предвосхитил много из того, что происходит в современной науке. Например, вот как Л.С. Выготский формулирует одну из основных идей современной теории самоорганизации о слабом взаимодействии, способном определить дальнейшее развитие системы, приближающейся к точке бифуркации. «Легко можно себе представить, как незначительные сами по себе реакции, даже малоприметные, могут оказаться руководящими в зависимости от конъюнктуры в том “пункте коллизии”, в который они вступают» [1, с. 87]. Ученый не использует понятие «саморазвитие», но по отношению к развитию ребенка он подходит именно с точки зрения саморазвития. Достаточно вспомнить его известную аналогию учителя с «рикшей» и «вагоновожатым». Учитель не должен развивать («учитель-рикша»), он должен формировать ситуацию, в которой развитие пойдет само собой («учитель-вагоновожатый»). Необходимо только обеспечить соответствие между потенциалом развития, который есть у ребенка, и средой, которая должна отвечать возможностям ребенка, чтобы актуализировались и заявили о себе движущие силы (само)развития.

Обобщая можно сказать, что наступает время, когда и сама наука, преодолевающая идеалы и установки классицизма, неоклассицизма и неклассицизма, вдруг начинает глубже понимать свои истоки, обнаруживая при этом и своих «классиков постнеклассики», творчество которых продолжает влиять на ее нынешний облик.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти тт. — Т. 1. — М., 1982.
2. Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. — 2006. — №5. — С. 100–113.
3. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: Мат-лы II всеросс. науч. конф. 29 сент. — 1 окт. 2011 г. — Самара: ПГСГА, 2011. — С. 43–84.

4. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. — М., 2008. — С. 41–61.
5. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. — 2011. — №40.
6. Ключко В.Е. Когнитивная наука: от междисциплинарного дискурса к трансдисциплинарному ракурсу // Сибирский психологический журнал. — 2012. — №46.
7. Klochko V.E. Cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky: exploring the logic of multidimensionality // Psychology in Russia: State of the Art. — 2010. — Т. 3.

Интегративная психология и запросы современности

Козлов В.В., Ярославль

Integrative psychology and demands of the modern

Kozlov V.V., Yaroslavl

Проблемы духовности, смысла человеческого бытия, надличностных измерений существования, движения за развитие человеческого потенциала, относятся к числу «вечных». Они вызывают неизменный интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов. В самой психологии между тем эта проблема относится к числу наименее исследованных, притом что интеграция повседневной жизни с подлинной духовностью является одной из самых важных задач нашего времени.

В начале XXI столетия проявилась одна особенность, которой раньше никогда не было: современный человек имеет возможность самостоятельно повышать уровень целостности своего сознания, самостоятельно достигать интеграции, не передавая это основное право жизни другому человеку: психотерапевту, жрецу, шаману, психологу, священнику — человеку, являющемуся носителем интегративных функций общества. Можно предположить, что именно сейчас появилась возможность выбора духовного пути и личностной реализации за пределами ограничений школ, братств, сект, религий, социальных клише.

С начала 1990-х годов мы разрабатываем интегративную психологию [1]. На наш взгляд, существует социальная востребованность этой парадигмы по следующим причинам. Во-первых, общая дезориентация в целях, морально-этических нормах, жизненных, экзистенциальных и культурных ценностях привела к возникновению потребности выстроить эти структуры на психологическом уровне. Во-вторых, с возникновением эгоцентрических, прагматических, индивидуалистических ценностей происходит тотальное отчуждение людей друг от друга и невозможность интимно-личностных отношений между людьми. Востребованная потребность в этих отношениях выражена в российском обществе. В-третьих, духовная депривация, опустошенность, формирует необходимость внутри личности заполнять это пространство новым, лично значимым содержанием через психологическое знание.

В течение последних 25 лет мы в методологическом отношении столкнулись со следующими проблемами. Имеет ли современная постсоветская психология духовные измерения? Может ли психология дать те ценности, которые были сокрушены в процессе нескольких странных и безумных перестроек во всей стране и которые продолжают по сей день? Готова ли современная психология изменить свою парадигму и стать интегративной наукой, отвечающей на психологические и духовные потребности человека, на экзистенциальные вызовы современной России? В состоянии ли ученый мир современной российской психологии сформировать интегративную парадигму на уровне учебников и образовательных технологий? Могут ли существующие образовательные системы готовить психолога новой парадигмы, который может по-